

ВИЗУАЛЬНОСТЬ С ДУШОЙ

РОМАН СЕНЧИН

Родился в 1971 году в городе Нызыле Тувинской АССР. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Проза и пьесы публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Сибирские огни», «Дружба народов», «Аврора»,

«Урал». Автор двух десятков книг, в том числе «Ничего страшного», «Московские тени», «Елтышевы», «Зона затопления», «По пути в Лету», «Постоянное напряжение», «Дождь в Париже», «Остановка». Проза переведена на немецкий, англий-

ский, французский, финский, китайский и некоторые другие языки. Лауреат премий «Эврика», «Ясная Поляна», «Большая книга», премии Правительства Российской Федерации в области культуры. Живет в Санкт-Петербурге.

Недавно увидела свет книга под названием «Пустые поезда 2022 года». Даже если заклеить имя автора на обложке и в выходных данных, наверняка многие любители современной русской литературы узнают автора. По стилю.

Вот начало: «Встал в четыре тридцать утра, вызвал такси, доехал до Ленинградского вокзала, сел в поезд “Сапсан”, поехали. За окном темно, но, поскольку по этой дороге приходилось ездить миллион (ну или несколько миллионов) раз, темнота не мешала понимать, что проносится мимо поезда “Сапсан”».

А вот с первой страницы первой книги этого автора, вышедшей в 2004 году: «Ехал в холодном автобусе №266 до метро Тушинская. В автобусе холодно, окна покрыты толстым слоем замерзшей воды, и не видно, что происходит на улице. Местоположение автобуса определялось благодаря телесным ощущениям, возникающим при поворотах: вот повернули на Первый Митинский, вот повернули на Пятницкое шоссе. Вот повернули к метро».

Или начало, пожалуй, самой известной его книги, вышедшей в 2010-м: «Безмянный проезд от улицы Дмитриевского до Святоозерской улицы.

Тротуар покрыт сплошным, хоть и тонким, слоем льда.

Продвижение по обледенелому тротуару безмянного проезда. Быстро идти не получается. Очень скользко и неудобно. А что делать.

Надо бы идти побыстрее, автобус 726 отправляется от остановки “Святоозерская улица” в 14.11. Надо бы не опоздать».

Да, удивительная — а для кого-то возмутительная — верность теме, мотиву, интонации.

Речь о Дмитрие Данилове, одном из самых необычных и спорных писателей первой (еще не закончившейся, правда) четверти нашего века.

Впрочем, о его текстах спорят мало. Вообще спорить — дискутировать, полемизировать — нынче не принято. А принято писать в соцсетях

или выставлять там копии опубликованных в разнообразных изданиях рецензий на прочитанную книгу, и внизу тут же обязательно вытянется вереница комментариев, как правило, поддерживающих ругательный или хвалебный настрой рецензии. Иных точек зрения почти не встречается: владельцы страниц в соцсетях предпочитают идейных противников банить.

А спорный писатель, спорное произведение литературы (изобразительного искусства) — это хорошо. В науке спорная теория, спорная гипотеза — почти синоним несостоятельности, ложности, ошибочности, а здесь — в культуре — признак того, что стоит обратить внимание на книгу, картину, скульптуру, задуматься, поговорить о ней.

О текстах Дмитрия Данилова надо говорить. Не столько даже собственно литературным критикам, сколько социологам, теологам, психологам, архитекторам, дизайнерам, да и политикам. Впрочем, случались в России времена, когда литературные критики были всем этим в одном лице, теперь же практически никто на себя подобный груз не берет — набросать нечто вроде аннотации, в лучшем случае остроумно пересказать сюжет, поймать несколько блох, и достаточно...

Есть такие, берущие груз, критики и сейчас. Мало, но тем не менее...

Пожалуй, наиболее точный и глубокий анализ творчества и творческого метода Дмитрия Данилова принадлежит перу Ирины Бенционовны Роднянской. Ее маленькая по объему, но большая по содержанию рецензия была опубликована в журнале «Новый мир» в далеком уже 2007 году (июньский номер).

Роднянская откликается на две первые книги Данилова — «Черный и зеленый» и «Дом десять». Приведу довольно большую цитату (почти половина рецензии): «Объяснять Дмитрия Данилова очень трудно. Непосредственная радость от его фразы, от всей ауры его письма, произвольность порыва навстречу пишущему и описываемому осложняются у профессионального читателя кучей литературных и философских ассоциаций: как это получается? на что это похоже? что за этим стоит? “Завораживающее эстетическое пространство” (С. Ностырно), воздействие на читателя “чем-то неуловимым” (Данила Давыдов в своем убедительном предисловии к “Дому десять”). Но тут же автор этого предисловия много чего вспоминает: и французский “новый роман”, и Леонида Добычина, и Анатолия Гаврилова. Вспоминает, чтобы “почувствовать разницу”. Я, читая, тоже то и дело припоминала: то Зощенко (“была очень высокая подростковая преступность, а нефига лезть куда не просят, козел старый” — протокольный штамп, дино перетекающий в хамство), то Петрушевскую (монолог “чайной” дамы со склада, было б место, выписала бы целиком — кто еще так умеет слышать, “как мы говорим!”), то Гришковца с его паутинкой сентиментальности (“Иногда просто приятно встретить красивую женщину с умным лицом, просто так вот встретить и больше никогда не увидеть”), то английскую эссеистку (впрочем, и Давыдов говорит об очень тонком, “английском” типе остроумия в этой прозе). И все не то, не то. Да и “проза” ли это? Вот предисловие Давыдова называется “Торжество продуктивного аутизма”. Но ведь поэтов, лириков, мы аутистами не величаем, хотя с определенной точки зрения они именно таковы. “Дом десять”, воспоминание о детстве в спальном районе Тушино, даже графически делится на некое подобие строф...

Конечно, это — проза, но опирающаяся на живую, неписьменную речь, как настоящая поэзия, и, как поэзия же, совершающая возгонку реальности — не возвышающей лексикой, а самим своим строем. Еще одна

цитата из давидовского предисловия: “Дмитрий Данилов — самый яркий представитель постконцептуализма в новейшей русской прозе”. Мне это мало о чем говорит, но я тоже хочу щегольнуть дефиницией: Данилов пишет в духе метафизического гиперреализма. Этому определению косвенно соответствует найденное самим писателем: “очарование убожества”. Метафизика оставлена “за бортом произносимого” (Давыдов), но она незримо присутствует в той постоянной радости, которую испытывает автор, обнаруживая, что все вокруг, даже самое жалкое и унылое, наделено *даром бытия...*»

Да, действительно, и «объяснять Дмитрия Данилова очень трудно», и вроде бы видишь в его произведениях предшественников и тут же понимаешь: «все не то, не то», и «непосредственную радость» от чтения испытываешь, а вот понять, что именно тебя радует, не можешь.

Готовясь писать этот очерк, я побродил по интернету — решил посмотреть, что писали о Данилове в последнее время.

Наткнулся на «Яндекс.Дзене» (этот «Дзен» буквально захватил и пропитал весь «Яндекс») на такое, за подписью «*Стиль жизни*»:

«...И вот новая награда нашла “героя”!

Премия “Ясная Поляна”, как написано в ее заявке:

Литературная премия “Ясная Поляна” поддерживает традиции классической и актуальные тенденции современной русской литературы...

Книга “Саша, привет!”, за которую Данилов удостоен столь высокой награды очень, видимо, актуально. Мы все сегодня не ждем ничего хорошего. А кто-то уже дождался!

Что касается классических традиций:

“Человек идет туда, куда он шел. Он идет, идет и наконец приходит туда, куда он шел.

Человена зовут Сергей. Сережа...”

В одном абзаце Данилов умудрился повторить одно слово и однокоренное ему несколько раз. С первого раза не понятно, как в его пьесах, или для того, наверное, чтоб, как говорится, втшырило?

Но я одного не понимаю, кому это унылое, как бы это поделикатней выразиться, недоразумение может понравиться?

Понажите пальцем?

Я хочу посмотреть ему в лицо!»

Роман «Саша, привет!» написан в общем-то так же, как и «Дом десять», «Черный и зеленый». Так что можете посмотреть в лицо Ирины Бенционовны Роднянской. Ну и свое лицо могу предложить — мне проза Данилова нравится.

А вот чем?..

Я время от времени веду семинары, пишу рецензии на опыты учащихся Школы CWS. И почти всегда, почти всем советую: не нужно употреблять однокоренные слова, ищите синонимы. Советую и боюсь — а вдруг кто-то спросит: а как же Дмитрий Данилов, которого вы несколько раз хвалили в своих статьях и рецензиях? Спросит, и придется объяснять, что у Данилова это прием такой. Но ведь это не совсем так, *не то, не то*. Просто у Данилова, по моему мнению, получается. Неизменно получается эти «идет, идет и наконец приходит», «Приехали на станцию Мариинск, постояли, уехали», «Необходимость купить некоторый набор продуктов. Некоторый набор продуктов удобнее всего купить в торговом центре “Сибирь”» и так далее и тому подобное превращать в произведения художественной литературы.

Он даже турнирные таблицы чемпионата России по футболу делает важной деталью своей прозы (в книге «Есть вещи поважнее футбола»). Да, Данилову можно — у него получается.

Он пишет на грани так называемого фола, а иногда, нахется, и за гранью. Он явно сознает это. Например, ближе к финалу романа «Горизонтальное положение», написанного в форме дневника (опубликован в 2010-м), устами главного (да и по сути единственного) героя восклицает: «Сколько уже можно описывать эти бесконечные поездки на автобусах, метро и такси. Все эти отъезды из Ножухово и приезды в Ножухово. Всю эту бесконечную нудную езду по Новоухтомскому шоссе и Наснадной улице. По Салтыковской улице, по МНАД, по Наширскому шоссе. Всю эту так называемую ткань так называемой жизни. Всю эту невозможную нудятину. Изредка перемежаемую путешествиями разной степени бессмысленности. Сколько можно толочь в ступе эти бесконечные интервью с руководителями и специалистами международного аэропорта Домодедово. Все эти литературные мероприятия с участием одних и тех же персонажей, неизменно заканчивающиеся неформальным общением. Все эти idiotские описания деятельности нефтяных и газовых компаний. Все это бесконечное унылое чтение газеты «Спорт-Экспресс» и не менее унылую и бесконечную игру в футбольный менеджер на сайте 1x11.ru. Надо уже как-то с этим заканчивать».

Действительно, казалось бы, надо, необходимо после этого Данилову писать иначе. Созрел он для этого, осознал тупиковость подобной манеры, подобных сюжетов. Но через год с небольшим выдает просто возмутительный *путевой отчет* «146 часов». О своей (или, политкорректнее, своего лирического героя) поездке из Москвы во Владивосток на поезде.

Что делали и делают *нормальные авторы*, помещая своих героев в поезда, автобусы, трамваи, экипажи, на паром, в лодку, — они подсказывают к ним говорливых или хотя бы колоритных, забавных, жутковатых соседей. И возникает история. И «Анна Наренина», и «Нрейцера соната», «Очарованный странник»... К герою Данилова никто подобный не садится, вернее, автор к нему никого подобного не подсказывает. Герой едет и едет. Люди меняются, пейзажи за окнами вагона — тоже. Ничего существенного не происходит. Герой благополучно добирается до Владивостока, где с ним случается происшествие, но его подробности остаются за рамками «путевого отчета».

А сам отчет... Это именно отчет в его канцелярско-бухгалтерском значении.

«Поезд прибывает на станцию Чита.

Непосредственный сосед Андрей покидает вагон. Соседние боковые места занимают худощавый парень и полная девушка.

Некоторые пассажиры, в том числе полковник в отставке, выходят что-нибудь купить, потому что запасы продуктов иссякли, динктор объявляет, что поезд номер два сообщением Москва — Владивосток отправляется с первого пути, и пассажиры бегут к вагону с пакетами, полными еды.

Поезд покидает станцию Чита».

Взято с наугад открытой страницы, и такой стиль изложения всей довольно объемной вещи.

Это должно бы бесить, но меня (и еще какое-то количество людей, среди которых есть и настоящие поклонники Данилова) не бесит. Правда, «146 часов» я читал с раздражением: после двух прочтений за предыдущий

год «Горизонтального положения» (сокращенного варианта в «Новом мире» и полного в виде книги) этот «отчет» воспринимался как повтор.

Но странное это было раздражение, оно постоянно смешивалось (разбавлялось?) с радостью точно найденной и при этом очень простой фразы, какого-то необычного увлечения, когда страница за страницей вроде бы ничего не происходит, а оторваться невозможно. Ну и эффе́нт узнавания снижал градус раздражения: на протяжении почти двадцати лет каждое лето, а иногда по два-три раза в год, я ездил из Москвы в Абакан и обратно на поезде. Трое с лишним суток в пути. И я видел подобные пейзажи за окном — мимо протекали города и степи, тайга, платформы, станционные домики; сменялись пассажиры. И ни одного серьезного происшествия в этих поездках не случилось, ни одной исповеди, вроде той, что стала сюжетом «Нрейцеровой сонаты», я не услышал, ни одной любовной истории не завязалось. Ехал тихонько и ехал, читал, смотрел в окно, поглядывал на соседей, слышал короткие фразы и произносил такие же, если возникала необходимость.

Покойный Александр Нузьменков назвал «Горизонтальное положение» «образцом возгонки снуловоротной снуки в прозу». Что ж, каждому читателю не угодишь (хотя Нузьменкову практически никто угодить не мог — ему почти все, мягко говоря, не нравилось, о чем он ядовито-талантливо сообщал в предоставляемых ему органах печати). А Данилов, кажется, и не хочет пытаться угодить. В каждом новом тексте он словно ставит эксперимент и над собой, как над автором, и над теми, кто этот текст возьмется читать.

«Описание города», «Сидеть и смотреть», «Есть вещи поважнее футбола», «Ночь — день — ночь», пьесы, одна другой странней — все это как шаги в крошечной тьме и для автора, и для читателя. То ли по-прежнему твердое будет под ногами, то ли яма, то ли пропасть...

Отрицательных отзывов на эти тексты немало, а ругательных комментариев в соцсетях так и вовсе предостаточно, но стоит признать, что эксперименты Данилову удаются. В пропасть он не рухнул. Книги раскупают, на журнальные публикации есть благожелательные, а то и восторженные отзывы, и пусть небольшой, но крепкий круг почитателей Данилова со времен книг «Дом десять» и «Черный и зеленый» уж точно не уменьшился.

В цитированной рецензии на эти книги Ирины Роднянской есть еще такой момент: «“Черный и зеленый” (это чай, торгуя которыми в розницу избывающий нужду повествователь превращается в терпеливого гида по Подмосновью) в 2004 и 2005 годах был представлен не только в Сети, но и на бумаге — в издательствах “Красный матрос” и “ОсумБез”, что, как выяснилось, означает “Осумасшедшие безумцы” (sic!). Судя по “матросам” и “безумцам”, Данилова хотят марнировать как маргинала, но если это маргинальная зона, я бы хотела в ней подзадержаться».

Мне подарили (к сожалению, не помню кто) книжку «Дом десять» в 2007 году, изданную «Ракетой». Книжка была потрепанной, что называется, зачитанной. Даривший как-то полушепотом сообщил: «Культовый автор». Я прочитал и признал: да, культовый именно в первоначальном смысле этого слова — почитателей должно быть не очень много, но они сплоченные. Да и издательства, в которых вышли первые книги Данилова, были скорее не маргинальными, а культовыми: их книги продавались в определенных магазинах, книги эти случайные люди почти не покупали.

Потом Данилова стали печатать большие издательства: «Эксмо», «Астрель», «Рипол Классик», «НЛО», «Городец», «РЕШ». Он постоянный автор

При первом прочтении я воспринял роман как антиутопию. Не очень-то состоятельную, со множеством обрывающихся смысловых и повествовательных нитей, без финала. В общем, в плане сюжета я был новой вещью Данилова разочарован (манера изложения осталась прежней, даниловской), лучше уж, считал, как в предыдущих текстах, без ярко выраженного сюжета, но тут произошло 24 февраля, а следом стали приниматься такие законы, что антиутопизм «Саши...» превратился в реализм. Или оказался предсказанием.

«Нового мира» — абсолютное большинство публикаций происходят именно в этом журнале.

Вроде бы Данилов должен пробовать писать более коммерчески, что ли. Ну, в том плане, что если будет сюжет позавернутый, то читателей — покупателей книг, посетителей сайта «Нового мира» — наверняка станет больше, а это и увеличение тиражей, следовательно и авансов, роялти.

В ноябрьском номере «Нового мира» за 2021 год вышел маленький роман «Саша, привет!», в котором Данилов, кажется, попытался придумать и выстроить сюжет. Сюжет беллетристического произведения. Пересказывать содержание не буду — кто не читал «Сашу...», может прочитать или найти краткое изложение в интернете.

При первом прочтении я воспринял роман как антиутопию. Не очень-то состоятельную, со множеством обрывающихся смысловых и повествовательных нитей, без финала. В общем, в плане сюжета я был новой вещью Данилова разочарован (манера изложения осталась прежней, даниловской), лучше уж, считал, как в предыдущих текстах, без ярко выраженного сюжета, но тут произошло 24 февраля, а следом стали приниматься такие законы, что антиутопизм «Саши...» превратился в реализм. Или оказался предсказанием.

Многие критики восприняли этот маленький роман как киносценарий. И автор на это критиков, конечно, спровоцировал. Главки он обозначил как «эпизоды», в души персонажей не заглядывает, их мыслей не сообщает. Но это очевидная проза.

«Мы видим, как Сережа идет по пешеходной дорожке к дому, идет по тротуару вдоль дома, подходит к подъезду. Дом обычный, современный,

многоэтажный, не элитный, не бизнес-класса, но и не старый, брежневский или хрущевский, просто относительно современный московский многоэтажный дом, серии ПЗ или НОПЭ или П44Т, что-то примерно такое. Этажей в доме много — ну да, он же многоэтажный. Сережа подходит к подъезду, прикладывает к круглой штучке на железной двери круглую штучку на связке своих ключей, раздаётся писк, Сережа открывает дверь, входит в подъезд, здравствуйте, Наталья Семеновна, Наталья Семеновна величественно кивает, Сережа идет к лифту, вызывает лифт, ждет, лифт подъезжает, Сережа входит в лифт, нажимает кнопку своего этажа, лифт начинает движение.

Лифт движется долго, долго, очень долго.

Лифт движется, движется.

Лифт все движется, Сережа неподвижно находится в лифте.

Лифт приезжает на нужный Сереже этаж.

Сережа понижает лифт, возится с ключами, открывает дверь.

Сережа входит в квартиру».

Сценарии так не писали и не пишут. Ни во времена Ханжонкова, ни во времена Шпалинова, ни в нынешние. А прозу — да. По крайней мере, Дмитрий Данилов пишет.

Но... Еще раз вернусь к рецензии Ирины Роднянской. Вырву несколько слов: «...писатель (что-то останавливает сказать “прозаик”) Дмитрий Данилов...»

Может быть, Ирина Бенционовна в том 2007 году знала, что, кроме повестей и рассказов, Данилов пишет и стихи (верлибры), а вернее, услышала поэзию в его прозе...

Я любитель стихотворений с рифмой, поэтому верлибр для меня чаще всего — это *проза в столбик* (как называется одна из книг Светланы Василенко). Хотя не совсем проза... Тут впору вспомнить слова Михаила Гаспарова: «Свободный стих, верлибр (фр. vers libre) — стих, не имеющий метра и рифмы и отличающийся от прозы только наличием заданного членения на стиховые отрезки (отмеченного в письменном тексте обычно графическим расположением строк, в устном — напевом...)». Ну вот, «напевом». Далено не всякое произведение прозы можно напевать. Даниловские верлибры напеваются.

Вот начало одного, который запомнился:

*Немного жаль
Что все так стремительно кончилось
Вернее, нет, не так
Немного жаль
Что все так
Стремительно сворачивается
Весь наш этот мир
Весь мир наш любимый
Богатый и сложный мир...*

Опубликован в начале 2021 года. А в конце 2022-го Данилов в соцсетях выставил другой свой верлибр, начинающийся цитатой из протопопа Аввакума:

*Выпросил у Бога
Светлую Русь сатана
Да очервленит ея кровию мученической.*

*Добро ты, диавол, вздумал
И нам то любо
Христа ради
Света нашего
Пострадать...*

Через несколько дней стих этот со страниц Данилова исчез, но нашлись те, кто успел скопировал, поместил у себя. Советую прочитать. Сильно...

Ну и еще один жанр литературы, в котором пишет Дмитрий Данилов, — драматургия. Благодаря пьесам, а точнее спентаклям и фильмам по этим пьесам, Данилова и узнала довольно широкая аудитория.

«Человек из Подольска», «Сережа очень тупой», «Свидетельские показания», «Выбрать твоих»... В каждой из этих (да и других, не названных здесь) пьес есть если не сюжет, то ситуация, есть загадка, над которой бьешься, которая в хорошем смысле мешает жить будто в дреме. Вот, например, что принесли нурьеры Сереже и его жене, что там шевелилось в коробке? Я нашел для себя ответ, но, может быть, и неверный, и продолжаю мысленно выдвигать новые и новые версии...

Обращение к пьесам, где персонажи *обязаны говорить*, вроде бы должно было отразиться на прозе Данилова. И в романе «Саша, привет!» диалогов много, зачастую они вполне содержательные, а не формальные (из разряда «Здравствуйте». — «Здравствуйте».)

А в новой книге — «Пустые поезда 2022 года», следующем крупном произведении Данилова после «Саши...», — диалогов нет. Прямая речь передается косвенно, опосредованно, и там, где должен быть диалог, отображается монолог, опять же косвенный: «Подошел полицейский. Здравствуйте, документики, пожалуйста. А вы что сидите? Ждете поезд? До Нисловодска? Ну, это вы рано пришли, он только в 16:46 будет. Вы тут снимали, а у нас тут снимать нельзя. Ну, это раньше можно было. У нас распоряжение, снимать вообще нельзя. Технику возят, понимаете. Нельзя». И так далее.

Прием не новый, но здесь, в этой книге, он как нельзя оправдан.

«Пустые поезда...», пожалуй, самая печальная книга Данилова. Герой в ней бесконечно одинокий и потерянный. Да, упоминается жена, которая два раза выручает его в сложных ситуациях, упоминается о «сидении за столом с близко и очень близко знакомыми хорошими людьми», но это только подчеркивает одиночество. И слово «пустые» в названии я воспринял не в прямом смысле — что в поездах нет людей (есть там люди, иногда много), а... Заглянул в словарь, увидел: слово «пустой» имеет семнадцать значений.

Один из читателей оставил в интернете об этой книге достаточно благосклонный отзыв, но посетовал, что зря автор сразу дал понять, что мама героя умерла. Он, читатель, хотел бы надеяться, ожидать, что она поправится.

Спорить с читателем не хочу, он прав. Только если бы Данилов заложил в эту книгу интригу, старался бы ее выдержать, книга получилась бы совсем другой. Не такой достоверной. А так — чувство полной, пусть в ущерб увлекательности, достоверности, исповедальности даже.

Вот решил герой «Пустых поездов...» наконец-то исполнить свою мечту, поехать на маленьких поездах и рельсовых автобусах по так называемым малодейственным железным дорогам. Вернее, это не только исполнения мечты, но и материал для будущей книги — Данилов (точнее, его герой)

называет поездни циклом, наверное, в принятом у писателей смысле: цикл рассказов, цикл стихотворений...

А еще заставляет героя *куда-нибудь ехать* болезнь мамы. Тот самый жуткий ковид, о котором мы, кажется, стали забывать после новых трагических событий.

Как было еще два с небольшим года назад: заболевшего забирали из дома и увозили в ковидный госпиталь. Никаных посещений, связь по телефону с родным человеком, а если он не в состоянии говорить, с врачом, или узнавать о здоровье в кол-центре (правда, дозвониться до врача и кол-центра очень сложно). И ежеминутная тревога, ожидание страшного известия. Тянет куда-нибудь бежать, ехать: дома, в бездействии находиться невозможно.

И вот герой едет. Едет и пытается (там, где ловит мобильная связь) дозвониться до кол-центра. «Занято. Занято. Занято. Занято...» Герой осматривает поезда, здания станций, поглядывает на соседей в вагоне, наблюдает за тем, мимо чего проезжает поезд. И снова пытается дозвониться. «Занято. Занято...»

Наконец — дозванивается. «Состояние такое, как и было, — средней тяжести. Сейчас выходные дни, врачей в больнице мало, ничего не происходит. Что будет дальше, непонятно. Новида у мамы уже нет, но есть инсульт, и ее надо переводить в неврологию, но неврологии разных больниц не принимают больных из ковидного госпиталя, все боятся вспышки ковида у себя в неврологических отделениях. Закончатся праздники, появятся врачи и вроде бы есть надежда, что все как-то наладится. Прямо сейчас ничего сделать нельзя».

Да, знакомая, к сожалению, ситуация. Мою маму тоже вылечили от новиды, она умерла спустя несколько недель от другой болезни. На десять дней позже мамы Данилова, и звали ее так же, как и маму Данилова, — Галиной. Обе прожили 79 лет. И мы с Даниловым почти ровесники...

Может быть, поэтому — из-за стольких совпадений — книга «Пустые поезда 2022 года» успела стать мне очень близкой. Читал ее медленно, откладывая на несколько дней, а то и на неделю после каждой главки. Ведь и поездни героя книги шли не сплошняком, а были отделены довольно длительными периодами, заполненными какой-то жизнью.

Мне тоже хотелось куда-нибудь ехать во время болезни родителей, после их смерти. Ездил на поездах и в автобусах, летал, бесцельно бродил по городам я в конце 2021 — в 2022-м много. Жил поблизости от больницы, крыло которой было переоборудовано в ковидный госпиталь. Носил передачи отцу, потом маме. Так же, как герой «Пустых поездов...»: «Навешать маму было нельзя, но можно было привозить так называемые передачи. Привозил какие-то нужные (бывшие нужными) маме вещи в подписанном ее фамилией пакете, оставлял охраннику и шел среди сугробов на остановку вот этого самого автобуса. Отхлебывал виски из маленькой бутылочки и испытывал ложное, искусственное, наркотное облегчение от того, что сделал хоть что-то, хоть какой-то пустяк, и прямо сейчас можно временно не думать о самом страшном».

После смерти мамы некоторые поездни героя книги обретают смысл: он отправляется туда, куда они ездили вместе. Но маршрутов таких мало, очень мало. Два. Один ведет от Москвы к Новому Афону, второй к Угличу. Ездили давно, когда «мама была молодой», а герой маленьким.

«Ехал в почти пустом вагоне, смотрел в сторону моря и пытался вспомнить, где же именно в Новом Афоне мы тогда с мамой отдыхали. Почти

ничего не вспомнилось, потому что в памяти практически ничего не осталось»; «Первый раз (ездил. — *P. C.*) в подростковом возрасте с мамой. Захотели съездить на родину предков по бабушкиной линии. Если говорить точно, родина предков бабушки, прабабушки и так далее не сам Углич, а деревня под Угличем (не помню, как называется)».

Да, теперь не спросишь у мамы, где отдыхали, как называется та деревня...

И в этой книге (очень, кстати сказать, небольшой, меньше двух сотен страниц) предостаточно фирменных даниловских деталей: марни локомотивов, номера маршрутов, названия улиц, вроде бы ненужные и при этом суховатые описания того, что находится перед глазами героя.

В 2011 году, после публикации романа «Горизонтальное положение» и накануне публикации *путевого отчета* «146 часов», Дмитрий Данилов обнародовал нечто вроде манифеста «Н новой визуальности».

Не буду комментировать — опять же желающие легко найдут этот текст на сайте «Журнальный зал» (журнал «Октябрь», 2011, №11). Уже из названия понятно направление, в каком работает Данилов и какое считает перспективным для русской литературы, *зашедшей в тупики*.

С этим суждением можно спорить, но, по-моему, визуальность (вернее, *новая визуальность*) Дмитрия Данилова обогащает русскую литературу. Его визуальность не бесстрастна, не холодна — она с душой. Ну а настоящие произведения литературы тем и отличаются от ненастоящих — в них каким-то чудом вдохнули душу. Дмитрий Данилов этим чудесным даром обладает. Дай бог, чтоб не утратил его...

